

Д.О. Добровольский

РУССКИЕ ОБРАЩЕНИЯ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ КОРПУСАХ
(К ВОПРОСУ КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ НЕКОТОРЫХ
ЛЕКСИЧЕСКИХ КЛАССОВ)[\[1\]](#)

Как известно, наибольшие трудности при сопоставительном описании доставляет так называемая безэквивалентная лексика, т.е. лексические единицы, специфичные в языковом и/или культурном отношении, причем преодоление культурной дистанции оказывается еще более сложной задачей, чем решение чисто языковых проблем. В текстах, созданных в условиях иной культуры, всегда содержится много имплицитной информации, которая не может быть полностью передана при переводе этих текстов на другие языки. Часто имплицитная информация такого рода «встроена» в семантику отдельных лексем. В таких случаях поиск адекватных иноязычных аналогов оказывается не только переводческой, но и лексикологической и даже лексикографической проблемой.[\[2\]](#)

К культурно-специфичной лексике относятся и некоторые формы обращений.[\[3\]](#) В российском языкознании проблематика перевода обращений обсуждается уже достаточно давно. Особенно интересны с точки зрения межъязыковых соответствий обращения с использованием родственных номинаций, так как в этой области специфика русского языка проявляется особенно ярко (см., в частности, работы Д.С. Лихачева, М.А. Кронгауза, Н.И. Формановской, И.Б. Качинской и др.). И.Б. Левонтина [2005] указывает на то, что за пределами славянских языков вряд ли отыщется такое изобилие разговорных и просторечных обращений к незнакомым людям, основанных на родственных номинациях: таких, как *отец, папаша, мать, мамаша, сынок, дочка, сестренка, браток, брат, братцы, тетя, дядя, дед, бабушка, бабуля, внучка* и т.д. «Отдельные обращения такого типа отыскать можно, например, распространенное на американском юге обращение *тот* (мамаша). Но в русском языке они образуют целую систему» [Левонтина 2005: 245].

Задача данной статьи состоит в описании специфики употребления некоторых из подобных русских обращений на фоне типичных для этой области диахронических изменений, а также в построении типологии соответствующих переводческих решений. Рассматривается варьирование функциональных эквивалентов в зависимости от контекстных условий.[\[4\]](#) Материалом служат переводы произведений русской классической литературы на немецкий и английский языки.

1. Обращения как особый класс слов. Формы обращений представляют некоторую лингвистическую проблему и безотносительно к переводу на другие языки. Различные особенности морфосинтаксической, фонематической и семантической структуры обращений, а также их прагматические параметры обсуждались в известных работах А. Цвикки [Zwicky 1974], Э. Щеглова [Schegloff 1968;

1972], И.И. Ковтуновой [1986], С.В. Кодзасова [1998], Т.Е. Янко [2009; 2010], а также, например, в соответствующих разделах книги А.М. Пешковского [1956]. Одна из основных проблем в сфере обращений состоит в том, что слова с близкой семантикой обнаруживают весьма различный вокативный потенциал. Например, *водитель!*, *доктор!*, *ребята!*, *дорогие гости!* – хорошие обращения, а квазисинонимичные *шофер!*, *врач!*, *студенты!*, *гости!* – плохие. Ср. нормальное *Водитель! Откройте заднюю дверь!* vs. крайне сомнительное **Шофер! Остановите у светофора!* или *Доктор! Я буду жить?* vs. **Врач! Я буду жить?* [Янко 2009; 2010]. Близкие наблюдения на английском материале содержатся в [Schegloff 1968] и [Zwicky 1974].

Интересная особенность русских обращений (и в частности, интересующих нас здесь имен родства) состоит в том, что в контексте местоимения *мой* они часто меняют свои семантические и дискурсивные характеристики. Так, обращения типа *сын мой!*, *дочь моя!*, *брат мой!*, *отец мой!* используются прежде всего со значением ‘родства во Христе’, хотя раньше могли использоваться и при обращении к близким и даже малознакомым людям (см. ниже). «Это непродуктивный способ образования обращений с особым – застывшим – порядком слов, когда местоимение расположено на втором месте после существительного, а на месте имени родства могут фигурировать слова только из определенного набора терминов родства» [Янко 2010: 347].

Заметим сразу, что ситуация еще сложнее. В литературе XIX века местоимение *мой* (по крайней мере в определенных сочетаниях) может стоять и в препозиции. Ср. контексты (1) и (2).

(1) – А ты, *мой батюшка*, – продолжала она, обращаясь ко мне – не печалься, что тебя упекли в наше захолустье. (А.С. Пушкин. Капитанская дочка)

(2) – Ну, хоть чаю напейся, *мой батюшка*. Господи боже мой! (И.С. Тургенев. Дворянское гнездо)

2. О временной и социальной маркированности «родственных» вокативов. Форма обращения часто довольно много говорит о речевой ситуации, в частности о возрасте, социальном статусе участников, отношениях между ними, а также о соответствующей эпохе. Ср. такие обращения, как *эй, женщина!* и *милостивая государыня!* Здесь нас, как уже сказано, интересуют обращения типа *брат*, *браток*, *матушка*, *мамаша*, *папаша*, *отец*, *мать*, *бабуся*, *дед*, *дочка*, *сын*, т.е. обращения, во внутренней форме которых содержится идея родственных отношений. Понятно, что эти обращения могут использоваться и в своей первичной функции, когда, например, обращаясь к сыну, говорящий использует форму *сын*. Культурно-специфичными и нетривиальными с сопоставительной точки зрения являются, естественно, не эти – первичные – употребления, а контексты, в которых подобные обращения

используются по отношению к «неродственникам». Ср. *Далеко ли, братишка, до берега?* или *А где здесь мебельный, дочка?*

Все эти лексемы можно разделить на две довольно четко противопоставленные группы:

- (а) современные, социально маркированные и
- (б) устаревшие формы обращения.

Ср. контексты (3-8), с одной стороны, и (9-12) – с другой, причем это могут быть как привычные, так и редкие, достаточно «экзотические» вокативы, ср. (12).

(3) В наш двор <...> стали заходить бодрые, жизнерадостные компании. – А чо, *папаша*, – дружески обращались они к деду, усаживаясь за столик у крыльца веранды, – давай, не жмись, подваливай сюда! Закусон тоже наш! Звенели стаканы. Дед, выжимая бессильную улыбку, уходил к сараю и там плакал. (М. Палей. «Поминование»)

(4) Вера Максимовна отступила вглубь зала, постояла с минуту и тихо вышла. Неизвестный мужчина догнал ее у двери и протянул булку хлеба в полиэтиленовом пакете. – Ты бы просто попросила, *мамаш*. Понимаю. А кому сейчас легко? – он усмехнулся, от него пахло пивом. (А. Маслов. «Химера»)

(4) Подержи-ка, *сын*ок, нашу лодочку, а я молоточком пройдуся, материю набью. (О. Павлов. «Карагандинские девятины, или Повесть последних дней»)

(6) – Спасибо, очень хорошее вино, – поблагодарила Таня, вернув стакан. Пьянчужка встрепенулась: – Ты ня пей вина, *дочка*. Говор у неё был не московский, с сильным «я» вместо «е». (Л. Улицкая. «Путешествие в седьмую сторону света»)

(7) Но ранним утренним часом у широкого мраморного крыльца (куда позже арестантов уже не пускали) один простецкий зэк, косолапый слесарь, столкнулся с новичком лицом к лицу. – Ну, *браток*, – толкнул он его в грудки, – откуда? На чём погорел? Садись, покурим. Но приезжий в брезгливом ужасе отшатнулся от слесаря. (А. Солженицин. «В круге первом»)

(8) Я сейчас наберу номер, а вы скажете в трубку вот эти слова. – Она протянула ему листок с текстом. – Читать умеете? – Обижаешь, *сестренка*, – приосанился нищий, – я кандидат наук. (Е и В. Гордеевы. «Не все мы умрем»)

Примеры подобного типа приводятся в [PPP 1978]: *Ты что, мать, под трамвай угодить хочешь?*, *Садись, тетка!*, *Ты, бабка, отойди с прохода!*, *Ты, папаша, закурить не найдешь?* (см. также [Berger 2002]).

(9) А ведь ты у меня на руках родился, пострел эдакой! Ну, да это все равно; где тебе было обо мне вспомнить! Только ты умница, что приехал. А что, *мать моя*, – прибавила она, обращаясь к Марье Дмитриевне, – угостила ты его чем-нибудь? – Мне ничего не нужно, –

поспешно проговорил Лаврецкий. – Ну, хоть чаю напейся, *мой батюшка*. Господи боже мой! (И.С. Тургенев. «Дворянское гнездо»)

(10) Как завижу, бывало, рысьи шапки, да как заслышу их визг, веришь ли, *отец мой*, сердце так и замрет! (А.С. Пушкин. «Капитанская дочка»)

(11) Костыль вертелся на стуле и толкал соседей локтями, мешал говорить, и то плакал, то хохотал. – Деточки, деточки, деточки... – бормотал он быстро. – Аксиньюшка-*матушка*, Варварушка, будем жить все в мире и согласии, топорики мои любезные... (А.П. Чехов. «В овраге»)

(12) **а.** –То-то, *батько мой*, – отвечала она; – не тебе бы хитрить; посылай-ка за офицерами. (А.С. Пушкин. Капитанская дочка); **б.** Я, *брат старуха*, понимаю, как с господами надо. (А.П. Чехов. Горе)

Достаточно очевидно, что инвентарь обращений группы (а) и группы (б) не совпадает. Для группы (а) характерны такие формы обращений, как *мамаша*, *папаша*, *мать*, *отец*, [5] *браток*; как несколько устаревающие воспринимаются формы *сын*, *дочка*, встречающиеся сегодня только в речи весьма пожилых людей; ср. (13).

(13) Бабка (с живостью): Да я уж отплачу, *доченька*, я уж отплачу. Отработаю, довольна будешь. (Е. Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона)

Таким образом, здесь работает не только временная динамика, но и социально-возрастные факторы. Маркированными в этом смысле оказываются также формы *бабушка*, *дедушка*, *тетя*, *дядя*, характерные для речи детей (особенно диминутивы *тетенька*, *дяденька*; ср. контекст 14), [6] хотя они возможны и в крайне просторечном дискурсе взрослых: например, *Садитесь, бабушка!*; *Куда ты прешь, дядя?!*.

(14) Но турникет ей пройти не удалось, потому что не было денег, и Натка подошла к какой-то пожилой женщине и попросила: – *Тетенька*, можно, я как будто с вами? Женщина посмотрела на ее мокрые тапки, потом – на зареванное, тоже мокрое лицо и сказала: –Что с тобой, девочка... обидел кто-нибудь? (И. Безладнова. Такая женщина)

Хотя все обращения группы (а) могут быть охарактеризованы как просторечные, они до известной степени разнородны в социальном и временном отношении. Ср. формы *братан*, *брательник*, характерные для речи представителей социальных низов, и несколько устаревшее обращение *братишка*, ассоциирующееся – по мнению А.Д. Швейцера [1988] – в первую очередь с периодом гражданской войны; ср. *Ну братан, ты что скажешь?* [Качинская 2004] и (15), с одной стороны, и контекст (16) – с другой.

(15) **а.** Выслушав через переводчика предложение канадской стороны, тот буркнул что-то вроде «заметано» и принялся доставать из карманов широченных штанин пачки долларов, перехваченные аптечной резинкой: «Какой там банк, какой контракт, меньше бюрократии, больше

бабок, *братан...*» Таким был первый опыт деbüroкратизации нашей экономики. (Б. Грищенко. Посторонний в Кремле) **б.** Идешь, например, со своей будущей тещей, жених на выданье, тут какой-нибудь смурый из прошлой жизни тебе навстречу, подлечившийся, хоть и с легким тиком. «О, привет, *братан!*» – кричит. (Захар Прилепин. Черная обезьяна)

(16) Слышь, *братишка*, всех их сразу-то не пореши, – хохотнул ему вслед Крюков. (Д. Быков. Орфография)

Дальнейшее изучение этой области показало, что динамика узуса здесь достаточно тонкая. Так, обращение *браток* появилось, судя по данным НКРЯ, ближе к началу XX века. Первый пример в корпусе – это контекст (17).

(17) Ну, чего? Ты... лечись! От пьянства нынче лечат, слышь! Бесплатно, *браток*, лечат... такая уж лечебница устроена для пьяниц... чтобы, значит, даром их лечить... (Максим Горький. На дне)

Хотя в НКРЯ встречается достаточное количество современного употребления этого обращения, наиболее естественно оно воспринимается в текстах, ассоциирующихся с бытом середины XX столетия; ср, например, (18).

(18) Тут он впервые понимает, что в известной мере живет в этой квартире: зачистил, *браток* <...>. (В. Маканин. Отдушина)

Возможно, причина того, что вокатив *браток* реже употребляется сегодня в повседневном общении (по крайней мере по впечатлениям моего коммуникативного опыта), кроется в том, что форма множественного числа *братки* приобрела в 90-е годы XX века значение ‘бандиты’, и это препятствуют свободному употреблению слова *браток* в качестве обращения к незнакомому человеку.

Казалось бы, семантически близкое слово *брат* обладает совершенно иным вокативным потенциалом. Оно встречается в качестве обращения как в русской классической литературе, так и в современной грубовато-фамильярой речи. Однако вокатив *брат* изменил свои просодические характеристики и социальную окраску. В контекстах (19) и (20) речь идет, по сути, о двух разных словах.

(19) **а.** – Да, *брат*, Бог знает, когда мы отсюда уедем! (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени); **б.** – А я, *брат*, продолжаю не постигать, – задумчиво заметил генерал <...>. (Ф.М. Достоевский. Идиот); **в.** – Да мы разве не уважаем тебя? – сказал старик. – Нам тебя нельзя не уважать, потому мы у тебя в руках; ты из нас веревки вьешь. – Ну, *брат*, вас не обидишь; вы бы не обидели. (Л.Н. Толстой. Воскресение)

(20) **а.** – Слушай, земляк. Меня проститутка нагрела на три штуки. Заберешь у нее деньги – половину тебе отдам. <...> – Не, *брат*, – ответил, помолчав секунду. – Их хачи кроют – с хачами тут никто не связывается

вообще. (Захар Прилепин. Черная обезьяна); **б.** А одной из девушек надо было на электричку. <...> Поехал с ней в метро до Ярославского вокзала. А она стройная, на каблуках, и платье у нее с вырезом квадратным на спине. Все смотрят! Ну, я ничего, проводил, посадил на электричку. *Брат*, какая была девушка! (Большой город, 05.09.2012)

В контекстах (19) *брат* употребляется как энклитика, то есть в безударно-слабой позиции, в то время как в (20) это интонационно выделенное обращение, несущее самостоятельное фразовое ударение (на эти просодические различия мое внимание обратила И.Б. Левонтина).

Обращения группы (б) – это, в первую очередь, *матушка, батюшка, батенька, мать моя, отец мой, брат*. Некоторая временная динамика наблюдается и внутри этой группы. Так, если обращения типа *матушка, батюшка* ассоциируются в сознании современных носителей языка с миром романов русской классической литературы XIX века, то *батенька* скорее вызывает ассоциации с анекдотами про Ленина (21), а также с речью чеховских персонажей (22) или с шутливой имитацией старомодного врачебного дискурса (23). Обращения группы (б) раньше обладали, видимо, определенной социальной окрашенностью, которая сегодня, однако, уже не вполне ощущается. Л.А. Булаховский [1957: 307-309] замечает, что в первой половине XIX века обращения *брат, братец, батюшка, матушка* были типичны для речи образованных людей, причем *батюшка* и *матушка* выражали, как правило, сдержанную любезность, в то время как несколько обращения *отец мой, мать моя* воспринимались в те годы как несколько устарелые и простоватые. Доминирующая сегодня черта всех подобных обращений – это их принадлежность миру некоторых – легко отождествляемых – текстов, то есть определенному типу дискурса или (по М.М. Бахтину) речевому жанру.

(21) **а.** – Правда ли, что установят памятник Ленину на коне? – Это бред, *батенька*, любая нормальная лошадь будет соскальзывать с броневишка... (Н. Баяндина. Хождения по мукам бронзового Ленина); **б.** <...> это очень, знаете ли, по-ленински: приезжайте к нам, *батенька*, через десять лет <...> (Криминальная хроника, 10.06.2003); **в.** Касательно кино дедушка Ленин был совершенно прав – архиважнейшее, *батенька*, искусство... (М. Колодочкин. Как два тумана); **г.** – Да вы, *батенька*, просто кремлевский мечтатель! – покачал головой Балугев. – Боец невидимого фронта. (Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша); **д.** Запомните, *батенька*: законность относится к числу архиважнейших признаков социализма. (В. Войнович. Монументальная пропаганда)

(22) **а.** Нынче, *батенька*, двенадцатилетняя девчонка норовит уже иметь любовника, и все эти любительские спектакли и литературные вечера придуманы для того только, чтобы легче было подцепить богатого кулака и пойти к нему на содержание... (А.П. Чехов. В усадьбе); **б.** –

Дайте мне только в Москву съездить! У меня будут такие фильтры и всякие научные усовершенствования, что вы с ума посойдете, одним словом. Науку, *батенька*, нельзя игнорировать. Не-ет! (А.П. Чехов. История одного торгового предприятия); **в.** – Что-с? У вас в Петербурге холодно? А у нас тут, *батенька* мой, благорастворение воздухов и изобилие плодов земных. (А.П. Чехов. Именины)

(23) – Да, *батенька*, вы страдаете от комплекса неполноценности. – Да нет, доктор, это было бы всё ещё ничего, только вот комплекс этот у меня какой-то не очень полноценный... (Из коллекции Ю. Дейнекина)

Переход от обращений группы (б) к использованию обращений группы (а) связан, по-видимому, с социальными переворотами первой половины XX века (революцией и последующим реструктурированием российского общества). Эти вопросы, сами по себе заслуживающими внимания как с социолингвистической, так и с диахронической точки зрения, здесь обсуждаться не будут. Наиболее интересным с точки зрения культурной специфики представляется вопрос, почему при полной смене парадигмы обращений, тем не менее, сохранилась лежащая в их основе языковая и концептуальная модель: использование терминов родства в функции обращения к знакомым (или даже незнакомым) людям, которые не находятся с говорящим в соответствующих родственных отношениях. Важно, что интенция говорящего может быть при этом весьма агрессивной, что опять-таки объясняется обращением к данной концептуальной модели: как известно, отношения между родственниками могут быть достаточно напряженными.

Все эти формы обращений являются культурно-специфичными и представляют, соответственно, серьезные проблемы для перевода и лексикографического описания. Когда мы говорим о культурной специфичности того или иного явления языка, необходимо объяснить, что конкретно имеется в виду, поскольку данный термин используется в лингвистических работах в весьма различных значениях и, как правило, не слишком строго. В [Добровольский 1997] предложено различать два подхода к изучению культурной специфики лексических единиц: сопоставительный и интроспективный подход.

При всей своей условности такое разграничение оправдано тем, что при сопоставительном анализе одним из важнейших критериев оказывается возводимость установленных межъязыковых различий к специфике соответствующих культур (в семиотическом смысле), в то время как интроспективный подход предполагает обращение к интуиции носителей языка, характеризующих некоторые явления как «свои и только свои». При сопоставительном подходе некоторое явление может быть охарактеризовано как культурно-специфичное относительно какого-то другого языка, в то время как при интроспективном подходе решающими являются внутриязыковые характеристики данного явления.

Исследуемые здесь обращения являются специфичными и в том и в другом смысле. С интроспективной точки зрения они специфичны, поскольку мы явственно ощущаем их принадлежность к определенному культурно значимому слою лексики. А с сопоставительной точки зрения они специфичны в силу отсутствия в европейских языках, традиционно привлекаемых для контрастивного анализа, коррелирующих форм обращения. Так, в немецком языке из подобных «родственных» форм могут реально использоваться только *Tante* и *Onkel* при обращении маленьких детей к незнакомым взрослым.

3. Обращения в параллельном корпусе. В качестве источников эмпирического материала использованы материалы параллельных корпусов НКРЯ (в том числе и тексты, находящиеся в стадии подготовки), а также корпус параллельных текстов программы AAC-Austrian Academy Corpus Австрийской академии наук в Вене. На этом материале мы анализируем сначала особенности употребления и способы перевода вокативных форм *матушка*, *батюшка*, *отец мой*, *мать моя*.

Контексты показывают, что «родственные вокативы» данного типа были весьма распространены в XIX веке и могли употребляться с различной интенцией и в разных ситуациях, отличающихся друг от друга по составу и социальному статусу участников. Эти обращения могут звучать вежливо-уважительно, дружественно, фамильярно-покровительственно (часто с оттенком иронии) и даже раздраженно-пренебрежительно. Ср. примеры уважительной интерпретации обращения *батюшка* (24) и (25).

(24) – Это, *батюшка*, земля стоит на трех рыбах, – успокоительно, с патриархально-добродушной певучестью объяснял мужик. (И.С. Тургенев. Отцы и дети)
„Die Erde ists, die auf drei Fischen ruht, – entgegnete der Bauer im Tone der Überzeugung und mit singender Stimme, was seinen Worten etwas Patriarchalisches und Naives gab <...>.“

(25) «От чего ж он умер?» спросил я пивоварову жену. – «Спился, *батюшка*», отвечала она. (А.С. Пушкин. Станционный смотритель)
„Woran ist er denn gestorben?“ fragte ich die Frau des Bierbrauers. „Er hat sich dem Trunk ergeben, *Väterchen*“, antwortete sie.

В контексте (24) обращение *батюшка* остается непереуказанным, а в (25) оно – что типично для немецких переводов подобных контекстов – передается с помощью близкого к буквальному вокатива *Väterchen*.

Особый режим уважительно-дружественного употребления обращений *матушка* и *батюшка* – общение между супругами. Так в романе «Отцы и дети» Василий Иванович Базаров, обращаясь к жене, не раз использует формы *матушка* и *матушка моя*; например, в контексте (26). Ср. также характерные контексты (27) и (28) из «Капитанской дочки».

(26) – Мы, *матушка моя*, – говорил он ей, – в первый приезд Енюшки ему надоедали маленько: теперь надо быть умней. (И.С. Тургенев. Отцы и дети)

„Ich glaube wohl, – sagte er, – daß wir Eniuschenka bei seinem ersten Aufenthalt etwas lästig geworden sind; wir müssen uns diesmal gescheiter betragen.“

(27) а. – Что это, *мой батюшка*? – сказала ему жена. – Кушанье давным-давно подано, а тебя не дозовешься (А.С. Пушкин. Капитанская дочка)

б. „Was ist denn das mit dir, *mein Väterchen*?“ sagte die Frau zu ihm, „das Essen steht längst auf dem Tisch, aber du kommst einfach nicht.“ (пер. на нем.: Frisch?)

в. „Was soll denn das, *Väterchen*?“ sagte seine Frau zu ihm. „Das Essen ist längst und lange aufgetragen, und du läßt dich zehnmal rufen.“ (пер. на нем.: Ottow)

(28) а. Иван Кузмич оборотился к жене и сказал ей: «А слышь ты, *матушка*, и в самом деле, не отправить ли вас подале, пока не управимся мы с бунтовщиками?» (А.С. Пушкин. Капитанская дочка)

б. Iwan Kusjmitsch drehte sich sofort zu seiner Gattin um und sagte: „Hör mal, *Mütterchen*, in der Tat, wäre es nicht am besten, euch so lange fortzuschaffen, bis wir mit den Rebellen fertig geworden sind?“ (пер. на нем.: Frisch?)

в. Iwan Kusmitsch wandte sich an seine Frau und sagte zu ihr: „hörst du, *Mütterchen*? Wär’s nicht wirklich geraten, euch etwas weiter fortzuschicken, bis wir mit den Rebellen fertig sind?“ (пер. на нем.: Ottow)

г. Mironoff turned to his wife, “you see *my dear*! indeed it would be well to send you somewhere farther off until we shall have defeated the rebels.” (пер.: М.Н. de Zielinska)

Важно отметить, что, помимо ставших уже традиционными для немецких переводов подобных контекстов вокативных форм *Mütterchen* и *Väterchen*, встречаются и другие эквиваленты; ср. (29б).

(29) а. – Ах! *мой батюшка*! – возразила комендантша, – да разве муж и жена не один дух и единая плоть? (А.С. Пушкин. Капитанская дочка)

б. „Schau mal an, *mein Lieber*!“ entgegnete ihm die Kommandantin, „sind denn Mann und Weib etwas anderes als ein Leib und eine Seele?“ (пер. на нем.: Frisch?)

в. „Ach, *Väterchen*!“ erwiderte die Kommandantin, „sind denn Mann und Weib nicht ein Geist und ein Leib?“ (пер. на нем.: Ottow)

Совершенно иначе обращение *матушка* воспринимается в контексте покровительственных назиданий (30) и раздраженно-пренебрежительных реплик; ср. (31).

(30) **а.** – Государыня требует вас ко двору. Как же это она про вас узнала? Да как же вы, *матушка*, представитесь к императрице? (А.С. Пушкин. Капитанская дочка)

б. “The Empress orders you to Court! How did she know you were with me? You can not present yourself.” (пер. на англ.: М.Н. de Zielinska)

в. „Die Kaiserin hat nach ihnen geschickt! Wie hat sie nur von ihnen erfahren? und wie wollen Sie sich der Kaiserin vorstellen, *meine Beste*? (пер. на нем.: Ottow)

(31) – Законы есть, *матушка*, и если ты уж вызвала меня на это, то я тебе скажу, кто виноват во всем: ты и ты, одна ты. (Л.Н. Толстой. Анна Каренина)

“There are laws, *madam*, and since you’ve challenged me to it, I’ll tell you who’s to blame for it all: you and you, you and nobody else.” (пер. на англ.: С. Garnett)

Употребление обращений *матушка* и *мать моя* с неприкрытым раздражением характерно для обращенных к Лизе реплик графини в «Пиковой даме» (32-33) и, в особенности, для общения Чичикова с Коробочкой в «Мертвых душах» (34).

(32) – Что ж ты не одета? – сказала графиня: – всегда надобно тебя ждать! Это, *матушка*, несносно. (А.С. Пушкин. Пиковая дама)
-Was ist los, bist du noch nicht umgezogen? -sagte die Gräfin, -immer muß man auf dich warten! *Meine Güte*, das ist unerträglich. (пер. на нем.: Eliasberg)

(33) **а.** Лизанька встала из-за пяльцев и стала убирать свою работу. – Что ты, *мать моя!* глуха, что ли! – закричала графиня. – Вели скорей закладывать карету. (А.С. Пушкин. Пиковая дама)

б. Lisanka erhob sich vom Stickrahmen und fing an ihre Arbeit wegzuräumen. – Aber du, *meine Güte*, bist du taub, was denn! – rief die Gräfin. – Befiehl sofort anspannen zu lassen. (пер. на нем.: Eliasberg)

в. Lisanka stand vom Stickrahmen auf und begann, ihre Arbeit wegzuräumen. – Was ist denn, *Mütterchen*, bist du taub, oder was! – rief die Gräfin. – Laß schnell den Wagen anspannen. (пер. на нем.: Urban)

(34) **а.** – Вы, *матушка*, – сказал он, – или не хотите понимать слов моих, или так нарочно говорите, лишь бы что-нибудь говорить... (Н.В. Гоголь. Мертвые души)

б. “*Madam*,” he said, “either you are declining to understand what I say or you are talking for the mere sake of talking.” (пер. на англ.: D.J. Hogarth)

в. „*Mütterchen*“, sagte er, „entweder wollen Sie meine Worte nicht verstehen, oder Sie sprechen absichtlich so, nur, um etwas zu sagen...“

Обращает на себя внимание, что А. Элиасберг последовательно избегает вокативных аналогов при переводе раздраженных реплик графини, обращенных к Лизе. Типичные для таких контекстов обращения *матушка* и *мать моя* заменяются в переводе на

междометие *meine Güte*. П. Урбан последовательно использует в таких случаях аналог *Mütterchen*. Для английских переводов подобных раздраженно-пренебрежительных реплик характерны соответствия типа *madam*.

Обращение *батюшка* также (хотя и несколько реже) встречается в репликах с подобной отрицательной эмоциональной окраской, в которых говорящий выражает свое раздражение, направленное на собеседника; ср. (35) и (36).

(35) – Да разве я не вижу, *батюшка*? (Л.Н. Толстой. Анна Каренина)

“Do you suppose I don’t see it, *sir*?” (пер. на англ.: С. Garnett)

(36) – Что, *батюшка*, слепы-то, что ли? – спросил ключник. (Н.В. Гоголь. Мертвые души)

“Are you blind, *my good sir*?” – retorted the other. (пер. на англ.: D.J. Hogarth)

„Aber *Väterchen*, sind Sie denn blind?“ sagte der Beschließer.

Последний контекст – это реплика Плюшкина, обращенная к Чичикову, который принял его за ключника, а сначала даже за старую бабу.

Еще одна особенность обращений *матушка* и *батюшка*, которая, по-видимому, должна оказаться существенной для их перевода на другие языки, – это способность этих вокативных форм сочетаться с именем и отчеством адресата. Ср. (37).

(37) а. – Эх, *батюшка Петр Андрееч!* – отвечал он с глубоким вздохом. (А.С. Пушкин. Капитанская дочка)

б. „Ach, *Väterchen, Pjotr Andrejitsch*“, erwiderte er mit einem tiefen Seufzer. (пер. на нем.: Frisch?)

в. „Ach, *Pjotr Andrejewitsch, Väterchen!*“ entgegnete er mit einem Seufzer. (пер. на нем.: Ottow)

Использование такой вокативной формы весьма характерно для речи Савельича в «Капитанской дочке». Именно так он, как правило обращается к Петру Гриневу. В немецких переводах часто используется близкий к буквальному аналог. Единственный встретившийся в переводе Ф. Отто случай, когда выпущена форма *Väterchen*, – это пример (38).

(38) Нет, *батюшка Петр Андрееч!* Не я, проклятый мусье всему виноват: он научил тебя тыкаться железными вертелами, да притопывать, как будто тыканием да топанием убережешься от злого человека!

(А.С. Пушкин. Капитанская дочка)

Nein, *Pjotr Andrejewitsch!* Nicht ich, sondern der verdammte Musjö ist schuld an allem: er war’s, der dir beibrachte, mit eisernen Bratspießen herumzufuchteln und dabei aufzustampfen, als ob man mit Fuchteln und

Stampfen sich vor einem schlechten Menschen bewahren könnte! (пер. на нем.: Ottow)

Интересно, что в английском переводе контекста (39) вокатив *батюшка* в «Капитанской дочке» при обращении Савельича к Петру Гриневу переводится как *my dear boy*, что возможно и ситуативно оправдано только при наличии соответствующей разницы в возрасте.

(39) – Как, *батюшка*? Ты и позабыл того пьяницу, который выманил у тебя тулуп на постоялом дворе? (А.С. Пушкин. Капитанская дочка)

“What, *my dear boy*, have you forgotten the drunkard who cheated you out of the touloup the day of the snow-drift – a hare-skin touloup?” (пер. на англ.: М.Н. de Zielinska)

4. Есть ли связь между коммуникативной функцией обращения и ее переводом? Проведенный анализ функций и режимов употребления русских вокативных форм *матушка* и *батюшка* и им подобных позволяет предположить, что способы перевода этих обращений во многом будут зависеть от соответствующих семантических и прагматических особенностей их использования в конкретных контекстах. Обратимся к рассмотренным выше контекстам из параллельного корпуса НКРЯ, с тем чтобы установить связи между их семантическими и прагматическими параметрами в тексте оригинала, с одной стороны, и соответствующими переводческими решениями – с другой.

Первое, что бросается в глаза, – это разнообразие предлагаемых переводчиками вокативных аналогов. Так, *матушка* переводится на английский язык и как *madam* (с разговорным вариантом *ma'am*), и как *my dear lady* и как *my (old) dear* вплоть до *mother* или *good mother*, а *батюшка* – как *sir*, *(my) good sir*, *(my) dear sir*, *my dear*, *my dear fellow*, *dear friend*, *my good friend*, *my dear boy*, *father* или транслитерируется как *batyushka*. Довольно часто обращения *матушка* и *батюшка* в переводе опускаются. Ср. перевод М. Зелинской контекста (30) из «Капитанской дочки», где вокативная форма *матушка* не имеет аналога. Немецкие соответствия также варьируют в довольно широком диапазоне. Помимо достаточно традиционных форм *(meine) Mütterchen* и *(mein) Väterchen*, встречаются обращения *mein Lieber* (29б), *meine Beste* (30в), междометие *meine Güte*; ср. также примеры ниже. А в некоторых случаях обращение опускается вообще.

Иные переводы вокативных форм *батюшка* и *матушка* предлагаются в случаях, в которых коммуниканты равны с точки зрения социального статуса; ср. реплику Плюшкина, обращенную к Чичикову, в (40), а также перевод контекстов (28г) и (41) из «Капитанской дочки».

(40) а. – Только, *батюшка*, ради нищеты-то моей, уже дали бы по сорока копеек. (Н.В. Гоголь. Мертвые души)
б. “Nevertheless, consider my poverty, *dear friend*, and make it FORTY kopecks per soul” (пер. на англ.: D.J. Hogarth)
в. „Nur, *Väterchen*, meiner Armut zuliebe könnten Sie wenigstens vierzig Kopeken geben.“

(41) а. Я просила Алексея Ивановича дать мне подумать. Он согласился ждать еще три дня; а коли через три дня за него не выду, так уж никакой пощады не будет. *Батюшка Петр Андреич!* вы один у меня покровитель; заступитесь за меня бедную. (А.С. Пушкин. Капитанская дочка)

б. Ich bat Alexej Iwanowitsch um Bedenkzeit. Er erklärte sich bereit, noch drei Tage zu warten; werde ich aber nach drei Tagen nicht die Seine, dann hat alle Schonung ein Ende. *Liebster Pjotr Andrejitsch!* Sie sind mein einziger Beschützer! helfen Sie mir in meiner not! (пер. на нем.: Frisch?)

в. Ich bat Alexej Iwanowitsch um Bedenkzeit. Er war damit einverstanden, noch drei Tage zu warten, wenn ich aber nach den drei Tagen nicht meine Einwilligung gebe, dann habe ich auf keine Schonung mehr zu hoffen. *Pjotr Andrejewitsch, Liebster!* Sie sind der einzige Schutz, den ich habe; helfen Sie mir Armen. (пер. на нем.: Ottow)

Понятно, что *dear friend* или *my dear* (а также *my old dear, my dear fellow, my good friend*) могут говорить друг другу только люди с сопоставимым статусом, причем обращение к родственникам и друзьям в хороших переводах отличается от обращений к малознакомым – пусть и вызывающим симпатию говорящего – людям.

Совсем иначе организовано общение «снизу вверх», ср., например, обращение крестьян к помещику в (42).

(42) Мое хозяйство все, чтобы денежки к осенним податям были готовы. Приходят мужички: *батюшка*, отец, вызволь! (Л.Н. Толстой. Анна Каренина)

All my management rests on getting the money ready for the autumn taxes, and the peasants come to me, “*Father, master, help us!*” (пер.: С. Garnett)

Выбор эквивалента в переводе подобных обращений зависит и от социального статуса коммуникантов, их взаимоотношений и от уровня их образованности. Ср. контексты (43) и (44) с их немецкими переводами.

(43) После чего обратился к хозяйке и сказал: «А вы, *матушка*, и времени даром не теряйте, закажите ему теперь же сосновый гроб, потому что дубовый будет для него дорог». (Н.В.Гоголь Шинель)
<...> und sich zur Wirtin kehrend, setzte er hinzu: „Und Ihr, *Alte*, verliert nur keine Zeit und bestellt lieber gleich einen Sarg aus Fichtenholz; einer aus Eiche ist für ihn sowieso zu teuer.“

(44) а. – А разве есть русские романы?... Пришли, *батюшка*, пожалуйста, пришли! (А.С. Пушкин. Пиковая дама)

б. – Gibt es denn russische Romane?... Schicke, schicke mir bitte etwas, *mein*

Lieber. (пер. на нем.: Eliasberg)
в. – Gibt es etwa russische Romane?... Schick sie mir, *mein Guter*, schicke sie mir! (пер. на нем.: Urban)

Понятно, что графиня в «Пиковой даме» обращается в Томскому иначе, чем пришедший к умирающему Акакию Акакиевичу доктор в «Шинели» – к его квартирной хозяйке. То, что по-русски в столь разных коммуникативных ситуациях уместным оказывались обращения *матушка* и *батюшка* скорее удивительно и свидетельствует о крайне широком вокативном потенциале подобных слов в ту эпоху. Контексты (43) и (44) показывают, что хорошие переводчики регулярно учитывают прагматические факторы коммуникативной ситуации при выборе эквивалентов для русских «родственных вокативов». Ситуативная зависимость перевода особенно хорошо прослеживается на примерах (45) и (46) из пушкинского «Гробовщика». И в том, и в другом случае в оригинале употреблено обращение *батюшка*. Но в (45) это обращение используется в ситуации непринужденного дружеского общения на равных, а в (46) – в речи работницы, помогающей раздеться пришедшему из гостей пьяному гробовщику. Если в (45) вокатив *батюшка* переведен как *mein Lieber* и *Freund*, то в (46) и М. Пфайфер, и П. Урбан – перевод Урбана здесь полностью не приводится – прибегают к аналогу *Väterchen*.

(45) **а.** Юрко, посреди сих взаимных поклонов, закричал, обратясь к своему соседу: «Что же? пей, *батюшка*, за здоровье своих мертвецов». (А.С. Пушкин. Гробовщик)

б. Jurko wandte sich inmitten all dieser gegenseitigen Verbeugungen seinem Nachbarn zu und schrie: „Was denn? trinke doch, *mein Lieber*, auf das Wohl deiner Leichen.“ (пер. на нем.: Pfeiffer)

в. Jurko rief inmitten all dieser wechselseitigen Trinksprüche, an seinen Nachbarn gewandt: „Na, was ist? trink, *Freund*, auf die Gesundheit deiner Toten.“ (пер. на нем.: Urban)

(46) «Что ты, *батюшка*?» сказала работница, которая в это время разувала его; «что ты это городишь? Перекрестись! Созывать мертвых на новоселие! Экая страсть!» (А.С. Пушкин. Гробовщик)
„Was fällt dir ein, *Väterchen*?“ sagte die Dienstmagd, die ihm gerade die Schuhe auszog. „Was redest du da? Bekreuzige dich! Die toten zur Einzugsfeier einzuladen! Ach, du lieber Schreck!“ (пер. на нем.: Pfeiffer)

В английской переводческой традиции для передачи вокативов этого типа используются и другие средства. Так, в переводе «Отцов и детей» Констанс Гарнет – переводческую деятельность которой, кстати, резко критиковал Владимир Набоков – для передачи обращения *батюшка* на английский язык использовала транслитерацию (или даже почти транскрипцию): *batyushka*. Интересно, что другой переводчик этого романа Ричард Фриборн перевел это русское обращение в соответствующих контекстах стандартным английским *sir*. Встречаются

и другие, близкие к дословным, способы перевода подобных обращений. У К. Гарнет, например, в качестве аналога вокатива *матушка* часто используется словосочетание *little mother*. По замечанию А.Д. Швейцера [1988: 64], такие обычные для английских переводчиков XIX века решения вошли в собрание переводческих анекдотов. Удивительным образом, перевод вокативов *матушка* и *батюшка* с помощью немецких *Mütterchen* и *Väterchen* довольно прочно утвердился среди стандартных переводческих стратегий.

Обратимся к переводам рассмотренных обращений на немецкий язык в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» из корпуса параллельных текстов Австрийской академии наук (ААС-Austrian Academy Corpus). Из существующих переводов романа «Идиот» для включения в корпус были отобраны три: два последних по времени – перевод Хартмута Хербота (1986) и Светланы Гайер (1996), а также перевод Э.К. Разин (псевдоним известной переводчицы Элизабет Керрик), изданный в начале XX века и затем многократно переиздававшийся.

Приведем два характерных примера со всеми содержащимися в корпусе переводами.

- (47) а. – Да что ты, что ты, *матушка*! (Ф.М. Достоевский. Идиот)
б. „Aber was redest du, was redest du, *Mütterchen*!“ (пер. на нем.: Geier)
в. „Was redest du denn, *Liebste*?“ (пер. на нем.: Herboth)
г. „Was, was redest du, was fällt dir ein...“ (пер. на нем.: Rahsin)

- (48) а. – Да неужто, *матушка*, вы нас совсем покидаете? (Ф.М. Достоевский. Идиот)
б. „Ist es denn wirklich wahr, *Mütterchen*, daß Sie uns für immer verlassen!“ (пер. на нем.: Geier)
в. „Wollen Sie uns denn wirklich verlassen, *Mütterchen*?“ (пер. на нем.: Herboth)
г. „*Mütterchen*, ist es denn wirklich wahr, daß Sie uns für immer verlassen?“ (пер. на нем.: Rahsin)

Интересно, что в примере (47) именно С. Гайер, переводы которой известны в самых широких кругах как отличающиеся особой точностью и изысканностью, предпочла дословный эквивалент *Mütterchen*. А в контексте (48) все три переводчика предпочли этот весьма экзотический для немецкой культуры общения вокатив. Очевидно, немецкое *Mütterchen* звучит несколько менее комично, чем английское *little mother*, тем не менее, подобные переводческие решения заставляют задуматься над вопросами, что такое точность перевода, чем она определяется, чем верность оригиналу отличается от буквализма и пр.

Понятно, что при таком переводе какая-то часть плана содержания оригинала теряется, в частности, информация о диспозиции говорящего и слушающего во времени и пространстве. Но поскольку потери при переводе неизбежны, его качество может оцениваться только с точки

зрения значимости подобных потерь. Ответ на вопрос, что важнее – колорит страны и эпохи или адекватность передачи статусных и ролевых функций коммуникантов – зависит от того, как переводчик определяет доминанту переводимого текста.

5. Заключение. Современное состояние сравнительной лексикологии и практики составления двуязычных словарей характеризуется ориентацией на сопоставление более или менее изолированных языковых структур. Отрицательным последствием подобной ориентации является недостаточный учет узуса, то есть тех особенностей синтаксического и сочетаемостного поведения единиц языка, которые нельзя объяснить их системными признаками. Так, в принципе известно, что та или иная структура одного языка не может быть во всех контекстах переведена на другой с помощью своего стандартного эквивалента. В определенных контекстах язык L2 традиционно прибегает к другим способам описания соответствующей ситуации. Известно также, что не существует продуктивных правил, по которым можно было бы вывести подобные отклонения от «стандартной эквивалентности» из неких более общих принципов. Единственный способ описания подобных отклонений – это их тщательная фиксация на аутентичном материале. Только так можно построить исчерпывающие сопоставительные описания и создать словари, удовлетворяющие современным требованиям.

Корпус параллельных текстов представляет собой наиболее адекватный инструмент для выполнения этих задач. Та или иная языковая структура, интересующая исследователя, может быть найдена во всех представленных в корпусе контекстах с их переводами на соответствующий язык. Таким образом, исследователь получает в свое распоряжение набор аутентичных контекстов, представляющих интересующую его структуру в ее естественном окружении, а также самые разнообразные эквиваленты этой структуры в языке цели. Поскольку эти эквиваленты также оказываются встроенными в естественные контексты, на основе полученных с помощью параллельного корпуса материалов могут быть сделаны выводы о зависимости выбора эквивалента от типа контекста. Подобные результаты практически всегда расходятся с теми сведениями, которые мы можем почерпнуть из существующих словарей, являясь тем самым нетривиальными.

Важным параметром, по которому языки могут различаться между собой, является степень употребительности определенных выражений. Так, некоторое выражение *A* языка L1 может стандартным образом переводиться на язык L2 с помощью выражения *B* – вполне корректного с точки зрения норм этого языка. Таким образом, выражения *A* и *B* оказываются эквивалентными в рамках системы соответствующих языков. Тем не менее, их функциональная эквивалентность часто представляется неполной. В частности, это имеет место в случае, когда одно из выражений оказывается в своем языке

существенно более употребительным, чем его переводной эквивалент – в своем. Такие случаи хорошо прослеживаются на сопоставлении оригинальных текстов с их переводами на другие языки. О.Б. Йокояма [2012: 152] замечает по этому поводу: «Со становлением корпусной лингвистики в середине 90-х гг. появились (ранее не доступные) материалы и новые подходы к исследованию, например, сравнение статистических показателей определенных языковых признаков в исконных текстах с частотностью тех же признаков в переводных текстах».

Исследование некоторого языкового явления на основе корпуса параллельных текстов может быть по ряду параметров противопоставлено исследованию этого явления на основе большого корпуса оригинальных текстов. Отличие оригинальных текстов от переводов заключается и в объеме (миллионы слов оригинальных текстов, производимых ежедневно, против относительно небольшого количества текстов, переводимых с иностранных языков), и в природе авторства (то есть в степени оригинальности и творческой свободы при порождении текста), а также в культурном контексте (переводные тексты обычно погружены в культуру исходного языка).

Все эти факторы обеспечивают различия между исходными и переводными текстами по целому ряду параметров. Между конкретными словами с близкими значениями в разных языках (которые принято считать эквивалентными) нет взаимнооднозначных соответствий. В принципе это касается многих семантических классов слов. Каждое конкретное слово обладает своим уникальным набором сочетаемостных ограничений и предпочтений. Эта идея относится к числу традиционных теоретических положений лингвистики. То новое, что вносит обращение к корпусам параллельных текстов в решение подобных задач, – это возможность эмпирической проверки соответствующих гипотез на представительном материале.

В заключение отметим, что продолжение этой линии исследований позволит продвинуться сразу в нескольких направлениях. Во-первых, мы обогатим наши представления о функционировании русских культурно-специфичных лексем в разные эпохи и, соответственно, о динамике кодов русской культуры. Во-вторых, подобные штудии выявляют едва осознаваемые межкультурные различия и способы их языковой манифестации. В-третьих, описание приемов, используемых при переводе подобных языковых выражений на языки «иных культур», способствует развитию теории перевода. И наконец, у исследований такого плана имеется и чисто лингвистический – контрастивно-лексикологический и лексикографический – аспект.

Обсуждаемые здесь слова, помимо своего основного, традиционно учитываемого словарями значения, имеют еще и дополнительные, культурно-специфические режимы употребления (в частности, в функции обращения), которые должны отдельно описываться в одноязычных и

двуязычных словарях. Представляется, что при словарном описании «родственных» (как, впрочем, и других) вокативов должны фиксироваться по крайней мере следующие признаки:

1. Служит ли данное обращение способом вступления в коммуникацию или же адресовано человеку, с которым говорящий уже находится в процессе общения?

2. Адресовано обращение к знакомому или же совершенно незнакомому человеку (например, прохожему на улице)?

3. Сочетается тот или иной вокатив с ТЫ или с ВЫ?

4. Как образуется множественное число от данного вокатива? Ср. *брат – братья* (узус XIX века) vs. современное *брат – братцы, братаны* и пр. «суррогатные» формы, заменяющие устаревшую в вокативной функции форму мн.ч. *братья* (на этот параметр мое внимание обратила Г.И. Кустова).

5. Социальное лицо (или маска) говорящего, его оценка социальной принадлежности адресата.

6. Интенции говорящего: так, говорящий может «давить на жалость» (*тетенька*), хамить (*тётка*), выражать свою (неуклюжую) симпатию (*брат*) и т.д.

7. Поколение говорящего.

8. Соотношение возраста говорящего и адресата (кто старше, кто младше).

9. Какие обращения требуют дополнительных «вокативирующих» средств, а какие – нет? Например, *Эй, тётка!* звучит как обращение более естественно, чем просто *Тётка!*

10. Просодические характеристики, в частности фразовое ударение.

11. Стандартная позиция обращения в высказывании: начало, середина, конец. Существуют обращения, которые явно тяготеют к определенной позиции, что также связано с просодией.

Для двуязычных словарей актуальна еще и дополнительная задача подбора функционально адекватных эквивалентом. По крайней мере, от хорошего двуязычного словаря ожидается, что для описания вокативных употреблений слов типа *брат, отец, мать, папаша, мамаша, батюшка, матушка* выделяется отдельное значение. Поскольку подобрать в таких случаях какой-то один стандартный эквивалент крайне затруднительно, наиболее приемлемым решением представляется описание функций, которое выполняет данное обращение в русском языке, и разнообразный аутентичный иллюстративный материал. Корпус параллельных текстов оказывается при этом весьма эффективным инструментом.

Намеченные здесь пути и способы использования корпуса параллельных текстов для решения различных лингвистических задач не исчерпывают всех возможностей работы с подобными корпусами. При расширении эмпирической базы – в особенности, при включении в корпус различных переводов одного и того же оригинала, выполненных

в разное время, или его переводов на различные языки – появится возможность ставить и другие вопросы, такие как границы свободы переводчика в выборе функциональных эквивалентов, статус различных переводческих стратегий в разные эпохи, ограничения, накладываемые типом языка и соответствующими культурно-семиотическими параметрами, и пр.

ЛИТЕРАТУРА

Влахов, Флорин 1990 – Влахов С.И., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980.

Добровольский 1997 – Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) // Вопросы языкознания, 1997, № 6, 37-48.

Добровольский 2009 – Добровольский Д.О. Корпус параллельных текстов в исследовании культурно-специфичной лексики // Национальный корпус русского языка : 2006-2008. Новые результаты и перспективы / Отв. ред. В.А. Плуныян. Санкт-Петербург: Нестор-История, 383-401.

Добровольский 2011 – Добровольский Д.О. Русские обращения в английских и немецких переводах // Translation, Sprachvariation, Mehrsprachigkeit. Festschrift für Lew Zybatow zum 60. Geburtstag. Frankfurt am Main etc., 2011. S. 295-308.

Добровольский 2012а – Добровольский Д.О. Корпусы параллельных текстов в исследовании литературного перевода (на материале русского, немецкого и английского языков) // Логический анализ языка. Перевод художественных текстов в разные эпохи / Отв. ред. член-корр. РАН Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2012. С. 153-162.

Добровольский 2012б – Добровольский Д.О. Родственные номинации в вокативной функции и культура речи // Вопросы культуры речи. Вып. XI / Отв. ред. А.Д. Шмелев. М.: Языки славянской культуры, 2012, 185-191.

Добровольский 2012в – Добровольский Д.О. Русские разговорные обращения: к динамике узуса // Русский язык сегодня. Вып. 5: Проблемы речевого общения: сб. докладов / Отв. ред. Н.Н. Розанова. М.: Флинта: Наука, 2012. 138-147.

Йокояма 2012 – О.Б. Йокояма. К метатеории перевода: перевод как дискурс // Человек о языке – язык о человеке. Сб. статей памяти академика Н.Ю. Шведовой – М.: Азбуковник, 2012. С. 152-160.

Качинская 2004 – Качинская И.Б. *Свет ты мой миленький дружочек*: номинация и обращение (термины родства и языковая картина мира. По материалам архангельских говоров) // Материалы и исследования по русской диалектологии II (VIII). М., 2004.

Кронгауз 2007 – Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2007.

Левонтина 2005 – Левонтина И.Б. Милый, дорогой, любимый... // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Сб.ст. М., 2005.

Левонтина 2010 – Левонтина И.Б. Русский со словарем. М., 2010.

PPP 1978 – Русская разговорная речь. Под ред. Е.А. Земской. М., 1978.

Швейцер 1988 – Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М., 1988.

Янко 2009 – Янко Т.Е. Вокативные стратегии русской речи // Речевая коммуникация в современной России: материалы I Международной конференции (Омск, 27-29 апреля 2009). Омск, 2009. С. 425-432.

Янко 2009 – Разрешите обратиться! // Лингвистика для всех. Летние лингвистические школы 2007 и 2008. М., 2010. С. 345-354.

Berger 2002 – Berger T. Anrede und Höflichkeit im heutigen Russischen // Fortbildungstagung für Russischlehrer an den Gymnasien, Regensburg 29./30. Juni 2001, München, 2002.

Schegloff 1968 – Schegloff E.A. Sequencing in Conversational Openings // American Anthropologist, 1968, 70/6. P. 1075-1095.

Schegloff 1972 – Schegloff E.A. Notes on a Conversational Practice: Formulating Place // Studies in Social Interaction. New York, 1972. P. 75-119.

Zwicky 1974 – Zwicky A. Hey, Whatsyourname! // Papers from the Tenth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society. Chicago, 1974. P. 787-801.

[1] Статья написана при финансовой поддержке РФФИ (грант 13-06-00403).

[2] В связи с этим встает вопрос соотношения двух (обычно плохо различаемых) категорий: межъязыковой эквивалентности лексических единиц на системном уровне (например, как она представлена в двуязычном словаре), с одной стороны, и прагматической эквивалентности этих же единиц как элементов конкретного текста – с другой. В первом случае мы имеем дело с категорией сопоставительной лексикологии (контрастивной лексической семантики), а во втором – с категорией теории перевода или сопоставительной лингвистики текста.

[3] Обсуждение переводческих аспектов этой области содержится, в частности, в работах [Влахов, Флорин 1980: 43; Швейцер 1988: 64].

[4] Сходная проблематика обсуждалась в ряде наших статей. Ср. [Добровольский 2009; 2011; 2012а; 2012б; 2012в].

[5] Интересно, что современно-просторечным формам *мать* и *отец* в норме противопоставлены формально близкие обращения *мать моя* и *отец мой*, относящиеся к группе (б). Последние обращения, хотя и встречаются в литературе XX века, воспринимаются либо как принадлежащие культуре предшествующих эпох, либо как несколько устаревшие варианты просторечных *мать, отец*: – *Пели-то хорошо. Да мне, мать моя, плохо. Опять колотье и тут и тут. Везде. Вот какой*

грех. (Б. Пастернак. Доктор Живаго); *Всю дорогу он хвалил Александру Сергеевну. – Ну и поешь же ты, мать моя! – говорил он. – Спасибо тебе, товарищ певица. От всех ребят спасибо.* (А. Пантелеев. Ленька Пантелеев).

[6] Это, однако, далеко не всё, что нужно знать о характере этих вокативов. *Дяденька* и *тетенька* – социально маркированные обращения. Их практически невозможно представить себе в устах ребенка из интеллигентной семьи. Как правило, эти обращения употребляют дети из необразованных слоев или дети, оценивающие своих взрослых собеседников как относящихся к соответствующему социальному слою. На просторечный характер этих вокативов (как и многих других обращений, образованных от терминов родства, с уменьшительно-ласкательными суффиксами) указывает Т.Е. Янко [2010]. Обращения *дяденька* и *тетенька* характеризуются специфичной интенцией: это, так сказать, «давление на жалость» – и соответственно оформляются просодически. Понятно, что эксплуатирование этих признаков может быть и сознательным манипулятивным приемом. Ср.: *Сметливые беспризорники быстро поняли выгоду, и у них появилась новая мода. – Поддай, тетенька, сиротке сифилитику! А то, смотри, укушу: я припадочный, – с ясными глазами тянули оборвыши лет десяти, и тетеньки, как правило, подавали.* (И. Ратушинская. Одесситы); *Респектабельный гражданин жует на улице бублик с поджаристой золотистой корочкой. «Дяденька, дай бублик», – подбегает к нему бедный мальчик.* (Т. Нетреба. Правительственный пасьянс).